

ГЛАВА 3. С ЛЮБИМЫМ — РАЙ НА АМУРЕ

Нет смысла описывать тяжелый путь по Охотскому вьючному тракту, когда непривыкшие к верховой езде моряки были вынуждены неделями не слезать с седел. Цель у всех была одна — скорее домой, в Петербург. Для этого в ожидании ленского зимника им пришлось некоторое время пробыть в Якутске, где все занимались составлением отчетов об исследованиях, вычерчиванием карт. Эти документы нужно было подготовить в нескольких экземплярах. Несмотря на обещания Муравьева о заступничестве, Невельской в душе побаивался наказания за непослушание царской воле на пограничной территории, где любое действие без высочайшего повеления было наказуемо.

Правда, Невельской в Якутске своими глазами видел, как Муравьев писал А. С. Меншикову: «Сделанные Невельским открытия неопценимы для России; множество предшествовавших экспедиций в эти страны могли достигнуть европейской славы, но ни одна из них не достигала отечественной пользы, по крайней мере в той степени, как исполнил это Невельской». Муравьев уже 20 ноября был в Иркутске, и можно было надеяться на то, что его депеши в какой-то мере предвартят то негативное отношение к Невельскому, которое смогут, если захотят, раздуть петербургские противники Муравьева и Меншикова.

Невельской и его офицеры задержались в Якутске ненадолго. Всего несколько дней им потребовалось для того, чтобы завершить работу. Из-за того, что Лена встала, они сумели прибыть в Иркутск всего лишь двумя сутками позже генерал-губернатора. В документах, подготовленных Муравьевым, содержались рекомендации относительно будущих действий на Амуре, представления к наградам и чинам участников экспедиции 1848—1849 годов, сведения об основании в заливе Счастья русского поселения, из которого теперь можно было вести торговлю с местными жителями и развернуть дальнейшие исследования Приамурья. Все эти бумаги Муравьев отправил со своим адъютантом М. С. Корсаковым.

Муравьева поздравляли с успешным окончанием его путешествия, а так же и с присвоением чина генерал-лейтенанта. Веселые празднества переходили из одного дома в другой, веселились и офицеры «Байкала». В среде обывателей ходили слухи, что они совершили секретный вояж, выполнили важное государственное поручение и теперь

собираются в Петербург держать отчет о своих действиях. Всего не скроешь, дыма без огня не бывает!

В один из дней Невельскому вдруг стало не по себе. Он влюбился. Влюбился так, как только может влюбляться тридцатилетний мужчина, ни разу до этого не испытывавший всей серьезности этого чувства. О том, где это случилось — в истории сведений не сохранилось. Вероятнее всего, произошло это на одном из многочисленных балов, которые щедро давались осенью 1849 года, вполне возможно, на балу у Муравьевых. Сюда приглашалась городская знать, среди которой, конечно, была и семья Зариных. На таких балах, наряду с дочерьми Трубецких и сестрами Клейменовыми неизменным успехом пользовались сестры Ельчаниновы.

А далее все было как в сказке о Золушке, только не об одной очень бедной, но замечательной девушке, а сразу о двух сиротках, которых приютил добрый и весьма богатый дядя. Такими золушками и стали в Иркутске в те годы сестры Екатерина и Александра Ивановны Ельчаниновы — сестры-сироты. Родившиеся — одна в Подмосковье, другая на Смоленщине, — в семье мелкопоместных дворян-помещиков Ивана Матвеевича Ельчанинова и Марии Николаевны, урожденной Зариной, после смерти родителей девушки по решению семейного совета оказались поручены вниманию родного дяди по матери Владимира Николаевича Зарина. Он, назначенный гражданским губернатором Иркутска, имел значительную власть, будучи вторым лицом после Н. Н. Муравьева. Третья сестра — Вера — осталась на попечении московских родственников, а единственный брат Николай поступил в университет.

Сестры Саша и Катя были погодками, они родились соответственно в 1830 и в 1831 годах. Их отец — Иван Матвеевич — был с детства болен и не мог уделять должного внимания своим детям. Одной матери воспитывать их было также трудно, поэтому не без сопротивления отца (они жили с матерью врозь) решили определить девочек на казенное воспитание в Смольный институт благородных девиц, в те годы больше известный как Смольный монастырь ¹.

По своему происхождению девочки попали в дворянское отделение и сразу в средние классы: им было столько лет, как и девочкам, воспитывавшимся в Смольном по четыре-пять лет. Поэтому сестры Ельчаниновы должны были сдать вступительный экзамен за средней класс.

Смольный был закрытым учебным заведением наподобие Лицея или Кадетского корпуса. Готовили там девиц, которые могли бы

осчастливить будущих сильных мира сего. Соответственно их и образовывали: на первом месте стоял Закон Божий, затем российская и немецкая словесность, французский язык, география, всеобщая история и история России, арифметика, физика, рисование, чистописание, церковное и итальянское пение, художественное рукоделие, музыка, танцы, домоводство.

Преподавательский состав был отменным: А. В. Никитенко, В. С. Шестакова, И. П. Шульгина, Ф. И. Буссе, М. Б. Чистякова и другие. Изредка воспитанниц водили гулять в Таврический сад под присмотром инспектрис и классных дам. Ежели и этого оказывалось мало, то к услугам директрисы были полицейские, которые следили со своих угловых мест за тем, чтобы ничто не нарушало покоя гулявших девиц, и чтобы никто не мешал их занятиям, особенно вышколенные кадеты или гардемарины, да и лицеисты тоже — семинаристы в этой среде котировались невысоко. Все лето воспитанницы проводили в саду Смольного, отгороженного от Невы высокой каменной стеной. Там они читали, обменивались маленькими секретами и новостями из дома. Все без исключения девушки мечтали о своих принцах, которые рано или поздно придут сюда и унесут их на руках на волю. О том, что некоторым из них сразу же после выпуска придется зарабатывать на хлеб, никому, вероятно, и в голову не приходило. А так случалось, и случалось нередко.

Наши героини учились похвально хорошо. В детстве они не были избалованы роскошью и умели многое делать сами, что отличало их от большинства одноклассниц — разных баронесс, графинь, княжон и прочих высокородных девочек. К тому же они были очень хороши собой. Каким-то чудом сохранилось словесное описание Кати Ельчаниновой, сделанное ее подругой по Смольному: «Младшая сестра, впоследствии Невельская, была сама радость и веселие, и при большом уме была и очень собой хороша. Она было небольшого роста, блондинка с правильными чертами лица и с прелестными большими голубыми глазами, имевшими ту особенность, что, когда лицо ее смеялось, и голос звонко раздавался от смеха, они не изменяли своего вдумчивого выражения, придавая тем ей особую оригинальную прелесть».

Выпуск из Смольного института почти совпал с полным сиротством обеих сестер: в 1848 году умерла Мария Николаевна, а отец ушел из жизни еще раньше. В это время на смоленской земле решился вопрос о дальнейшей судьбе сестер и брата Ельчаниновых. Летом того же года В. Н. Зарин с племянниками выехал к своему новому

месту службы в Иркутск, захав по пути в Москву, чтобы оставить у родственников сестру Веру. А затем они отправились в дальний путь через Урал и пол-Сибири.

Что же застали молодые выпускницы Смольного института благородных девиц в Иркутске? Прежде всего их представили недавно прибывшему сюда молодежавому боевому генералу Муравьеву и его супруге. Муравьев знал Зарина по совместной службе на Кавказе и в Туле, где Муравьев был губернатором, знал как человека честного, неподкупного, близкого и доверенного. Ведь именно Владимир Николаевич Зарин ездил в Петербург за невестой Муравьева и привез французенку в город Богородицк Тульской губернии, где 19 января 1847 года состоялась свадьба Муравьевых.

Незадолго перед тем Зарин женился в Москве на Варваре Григорьевне Гежинской. Он на правах близкого человека мог запросто входить к Муравьевым и неофициально высказывать свое личное мнение. Оставаясь вместе с казачьим атаманом Запольским за Муравьева в его отсутствие во время поездки по Дальнему Востоку и до самой Камчатки, Зарин умело справился со своими обязанностями, заслужив похвалу генерал-губернатора. Ко времени возвращения Муравьева в Иркутск сюда прибыли офицеры транспорта «Байкал» во главе с капитан-лейтенантом Геннадием Ивановичем Невельским.

Появление новых офицеров, окруженных ореолом таинственности и секретности, вызвало много слухов. Поговаривали, что они приехали после исполнения какого-то важного царского повеления. Балы следовали один за другим. По рассказам старожилов, долго еще в Иркутске вспоминали, как весело иркутяне провели зиму с 1849 по 1850 год. Если ранее на балах не хватало кавалеров, то в эту осень и зиму в них недостатка не было.

Появление в Иркутске двух очаровательных сестер Ельчаниновых не осталось незамеченным. Чиновник муравьевского штаба Б. В. Струве писал, что Владимир Николаевич Зарин «привез с собою в Иркутск двух своих племянниц-сирот, только что вышедших из Смольного монастыря, два прекрасных цветка — *Blanche et Rose*, как их стали называть в Иркутске; они поражали всех своею скромностью и в то же время развитостию ума».

Не сохранилось прямых свидетельств, где, когда и при каких обстоятельствах Геннадий Невельской был представлен Кате Ельчаниновой. По косвенным указаниям, намекам, местам из писем родных, можно точно говорить о том, что это произошло на одном из балов в конце

ноября или самом начале декабря 1849 года. И бравый моряк пропал: Катя сразила его наповал. С решительностью человека, которому нечего терять, а, наоборот, — можно приобрести счастье всей дальнейшей жизни, он пошел на приступ. Но вынужден был отступить, отступить впервые в жизни. Позже Геннадий Иванович здраво рассудил, кто он: уже не первой молодости, просоленный морской офицер, неказистый, маленького роста, с лицом, украшенным оспенными крапинками... А кто она: молодая, веселая, красивая, маленькая, воспитанная, белокурая, привлекательная до чертиков в глазах... Ну разве она ему пара? Ее избранниками должны быть принцы, во всяком случае, красавцы-счастливики, сынки высокопоставленных особ. И Невельской дрейфил...

Неспокойно было на душе у моряка, когда он отправлялся в Петербург. И от неудачного первого и единственного сватовства-предложения, и от неизвестности о том, что ожидает его в стольном граде. А ожидал он многого. С Муравьевым были согласованы предложения о дальнейшей деятельности на Дальнем Востоке, заблаговременно отправленные царю с М. С. Корсаковым. Главным из них было предложение о создании Амурской экспедиции, которой вменялось бы в обязанность дальнейшее исследование Приамурья и Сахалина из какого-либо основанного к тому времени русского населенного пункта. Называлось количество офицеров и команды, потребное для осуществления поставленной задачи; предполагалось наладить торговые отношения с местными жителями. Разжалованному офицеру корпуса флотских штурманов Дмитрию Ивановичу Орлову, находившемуся ныне на службе Российско-Американской компании, предлагалось вновь стать офицером флота, а самого Невельского прикомандировать к генерал-губернатору Восточной Сибири. Одновременно Муравьев доносил о необходимости немедленного переноса Охотского порта на Камчатку в Петропавловскую гавань. В эту затею Невельской верил мало, твердо полагая, что порт России на Тихом океане может и должен быть только на устье Амура.

Первым в Петербург выехал Корсаков, много позже за ним отправился Невельской со своими офицерами. Приехав в столицу 28 января 1850 года, Невельской немедленно явился к А. С. Меншикову, которому передал доклад и некоторые документы Муравьева. При этом он отлично знал, что Корсаков уже давно доложил соображения Муравьева о переносе Охотского порта на Камчатку и об исходе плавания «Байкала». Невельской также узнал, что 6 декабря 1849 года он был произ-

веден в капитаны 2-го ранга, но без пенсии. Обычно за совершение кругосветного или полукругосветного (то есть до Охотска или Русской Америки по воде, а обратно через Сибирь по суше) офицеры награждались орденами, получали следующие чины, а также награждались пожизненной пенсией. Невельскому не простили даже намек на непослушание: формально, несмотря ни на чьи приказания, он не имел права и не должен был идти в лиман Амура, не имея именного, личного царского повеления. А он пошел. И поплатился за это очередным орденом и пенсией, получил только чин капитана 2-го ранга.

Но это было уже свершившимся фактом, а впереди еще предстояли более тяжелые испытания. Несмотря на то что Меншиков весьма положительно отнесся к предложениям Муравьева по поводу дальнейших исследований Амура, некоторые высокопоставленные чиновники не только были против них, но даже высказывали сомнения в правоте привезенных Невельским сведений относительно пролива и островного положения Сахалина. Однако общая обстановка, по словам Меншикова, была в пользу дела. Он даже шутя посоветовал Невельскому не тратиться на покупку новых погон и эполет, так как решение вскоре состоится, и Невельскому придется еще раз менять погоны и эполеты. Дело в том, что в соответствии с существовавшим положением о службе на Камчатке, назначенные туда производились в следующий чин.

Действительно, хотя не в полной мере, и не совсем так, как это было предусмотрено в муравьевском документе, но в состоявшемся вскоре решении были отражены основные намерения и Невельского, суть которых сводилась к следующему. «Ограничиться на первый случай устройством зимовья в гавани Счастья или в другом, близком к этой гавани, пункте на морском побережье для распространения торговых отношений с гиляками. Считать зимовье в заливе Счастья предприятием Российско-Американской компании, пользующейся со стороны правительства финансовой поддержкой. Предоставить Охотскую флотилию в полное распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири. Невельской поступает в полное распоряжение Муравьева, а разжалованному штурману Д. И. Орлову возратить первый чин офицера флотских штурманов».

Невельской был безмерно рад и этому. Теперь он уже в чине капитана 1-го ранга, находясь на должности офицера по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, не ехал, а летел на Дальний Восток. Рассказывают, что лишь на двое суток он заглянул

в родную Кинешму, где жили мать и замужняя сестра с племянниками и племянницами. Совсем недавно Феодосья Тимофеевна при известных обстоятельствах перебралась на жительство сюда из Дракина.

Упрямый, самолюбивый Невельской нашел в себе силы и волю не появляться больше на глаза очаровательной Катеньке Ельчаниновой. Быстро свернув свои дела, отдав нужные распоряжения, получив от Муравьева официальные полномочия, в соответствии с царским повелением от 3 и 8 февраля 1850 года, он 27 марта прибыл в Иркутск, а уже 3 апреля вместе с Корсаковым отправился в Якутск. То, что Невельской не предпринимал попытки второго сватовства, вытекает из письма сестры Кати Александры дяде Николаю Матвеевичу Ельчанинову, проживавшему в Смоленской губернии, в местечке Попово. Она писала о том, что к ним часто ездил один капитан-лейтенант, объехавший кругом света, что Катя ему очень нравилась, «были даже разговоры, но которые не имели никаких последствий... Теперь он произведен в капитаны 1-го ранга и находится в должности чиновника особых поручений при генерале Муравьеве, живет в Охотске и делает беспрестанные путешествия».

Между тем, как показали дальнейшие события, если бы Невельской в этот свой проезд через Сибирь решился на вторичный «приступ», победа была бы одержана и Катя стала бы его женой на год раньше. Дело осложнилось еще и тем, что весьма заметно изменилась, точнее, готова была измениться, семейная обстановка и служебное положение Зариных, а, следовательно, и сестер Ельчаниновых. Зарину грозил перевод на запад: он не ужился с атаманом Запольским. Но подробный рассказ об этом впереди, пока же проследим за тем, что делал в это время наш герой.

До Якутска Невельской ехал вместе с Корсаковым, а дальше их пути разошлись: Корсаков направился в Охотск, а Невельской — в Аян, затем, чтобы дожидаться там прибытия своего «Байкала». В правилественном решении прежде всего говорилось о создании русского селения или зимовья под эгидой Российско-Американской компании на берегу залива Счастья. Вот туда-то и спешил Невельской. Ему хотелось сообщить Д. И. Орлову приятную новость о его прощении и о зачислении в офицерский штурманский корпус.

Несмотря на трудный путь до Аяна, Невельской преодолел его быстро: полномочия посланника генерал-губернатора делали свое дело. Но в Аяне выяснилось, что «Байкал» еще не пришел из Петропавловска. Здесь же он узнал, что в соответствии с тем же решением прави-

тельства, Российско-Американская компания отправила Орлова с тремя проводниками к устью Амура для наблюдения за вскрытием реки. Орлов, как всегда, отправился на собаках с шестимесячным запасом продовольствия. Кроме наблюдения за вскрытием Амура (то есть установления возможности плавания по нему в его устьевой части) Орлов, как опытный человек, проживший между местными жителями уже немало лет, должен был по возможности установить контакты с ними, разведать, как они отнесутся к тому, что русские поселятся на устье Амура и будут с ними торговать.

А Невельской нервничал в Аяне. Он не знал, какую команду наберет в Охотске Корсаков, когда привезет ее в Аян, когда, наконец, можно будет ему самому отправиться в залив Счастья. Наконец-то Алексей Кузьмич привел в Аян проверенный, испытанный «Байкал». Ничуть не медля, Невельской 17 июня отправился в залив Счастья, где встретился с ранее прибывшим туда Дмитрием Ивановичем Орловым. Возвращение в офицерское сословие вдохновило Орлова и удвоило его силы.

21 июня транспорт «Байкал» уже стоял на якоре в заливе Счастья, а Невельской, окруженный нивхами, матросами и офицерами, выбирал место для будущего селения. Он облюбовал горку, с которой далеко был бы виден русский флаг. Собственно, Дмитрий Иванович побывал тут уже не раз, и местечко для основания поселения под эгидой Русско-Американской компании было им уже рассмотрено. Невельской с этим выбором согласился. Затем последовали приготовления, строительство дома, выгрузка привезенных материалов, отдача необходимых распоряжений Орлову и топографу Петру Попову. Наконец, 29 июня при свистке боцманской дудки без единого выстрела на флагштоке был поднят русский флаг. А на косе, отделяющей Охотское море от залива Счастья, было заложено селение, которое в память Петра Великого и в честь святого угодника назвали Петровским.

«Байкал» должен был идти в Аян, его использование входило в планы Российско-Американской компании, а вместо него из Охотского порта в распоряжение Невельского следовал «Охотск». 7 июля «Байкал» вернулся в Аян, временно оставив в Петровском на попечении старожила Орлова топографа Попова с небольшой командой солдат. Он должен был сразу же возвратиться сюда, как только в Аяне покажется «Охотск».

Так оно и случилось. «Охотск» под командой Петра Федоровича Гаврилова вместе с мастеровыми 46-го флотского экипажа и казаками Якутского полка сразу же вышел в море, вскоре встав на рейде залива Счастья. Невельской строил свои расчеты на том, чтобы успеть

выставить кроме Петровского торгового селения еще и военный пост в устье Амура. С этой целью, не высаживаясь в Петровском, Невельской снарядил вельбот, на котором в сопровождении прапорщика Петра Попова и десяти солдат направился вверх по Амуру. Он шел знакомым по плаванию 1848—1849 годов фарватером, получившим затем его имя, затем Северным фарватером, а выйдя в устье Амура и пройдя мыс Табах, направился вверх, к устью реки Амгунь.

Невельской двигался к облюбованному во время плавания на «Байкале» месту у деревни Куегда, где образовался полуостров, который стал называться именем Константина. Невельской, разыскивая место получше, пошел еще дальше, через устье Амгуни, побывал у мыса Тыр, лежащего напротив этого устья, и затем повернул обратно. Было это по одним данным первого, по другим — шестого августа, когда, как писал Невельской Корсакову, «при свистке боцманской дудки, взлетел флаг русский на берегах Амура. Да будет он развеваться на вечные времена, во славу матушки России!» Тут он оставил прапорщика Петра Попова с десятком матросов, наказав им копать землянки, запастись строительным материалом, поддерживать связь с Петровским зимовьем и находиться в подчинении его начальника Д. И. Орлова. Вельбот был оставлен для нужд поста.

Невельской и сопровождавшие его несколько человек вернулись в Петровское пешком через горы. К своей радости, он увидел, какие разительные перемены произошли в зимовье за такой короткий срок. Орлов распорядился умело и со знанием дела, имея большой опыт жизни в таких нелегких условиях. Были построены или достраивались казарма, дом начальника, офицерский флигель, часовня, баня, лавка-склад... Орлов знал о своих полномочиях, и Невельской снова заспешил в Аян. На это имелись две причины: требовалось погрузить на «Охотск» еще всякого продовольствия и снаряжения, чтобы тот еще раз успел сходить в Петровское, а также ему самому нужно было спешить в Иркутск, а может быть и в Петербург — пришла пора отчитываться о своих действиях на Амуре. 10 сентября он выехал из Аяна.

В Иркутске Геннадия Ивановича ожидал не генерал-губернатор, а его распоряжение: ехать Невельскому дальше, вслед за Муравьевым, чтобы отстаивать вместе с ним и Корсаковым так успешно начатое Великое Амурское Дело. Он так беспокоился о своем детище, о превращении мечты всей жизни в действительность, что даже не побывал у Заринных, не навестил Катю Ельчанинову. Трудно сказать, что руководило им при этом. Об этом можно только гадать. Возможно, он

действительно так спешил сначала в Иркутск, а затем в Петербург, что не хотел еще раз испытывать судьбу в столь сложных служебных условиях. Ведь он снова нарушил инструкции: выставил-таки пост в устье самого Амура, да еще вдали от лимана, и оставил там при военном флаге команду с офицером — это чрезвычайно серьезный проступок. А может быть, Невельской просто постарался забыть, вырвать из сердца эту маленькую красавицу, племянницу иркутского гражданского губернатора? Вполне возможно, тем более, что он слышал (Иркутск был не настолько велик, чтобы слухи не распространялись в нем почти в тот же день, к тому же, как всегда, сильно преувеличенные) о каком-то армейском или гвардейском офицере, или высоком чиновнике, который частенько бывает в доме у Зариных. Как бы то ни было, а Невельской проехал мимо сердечной зазнобы — своей Катеньки, — мучаясь и перебирая в памяти все, что было связано с ее отказом.

Время показало, что он поступил правильно, хотя, если бы отважился сделать повторное предложение, то вполне возможно, что получил бы согласие. Расскажем об этом подробнее. Что же случилось? А то, что в семье Зариных намечались перемены: В. Н. Зарин по какому уж поводу — сейчас разбираться не место и не нам — должен был менять свою службу. Короче говоря, снова намечался отъезд. Основной его причиной стало то, что Зарин не поладил с генералом Запольским. Дело между ними дошло до официальных отношений через третьих лиц. А Муравьеву Запольский был более необходим в связи с созданием Забайкальского казачьего войска. Зарин не мог этого не понимать, несмотря на все свои симпатии к генерал-губернатору, несмотря на старые связи с ним и ответные чувства Николая Николаевича к себе и своему очаровательному семейству: совсем молодой супруге, москвичке Варваре Григорьевне Гежинской, и двум блистательным племянницам, украшениям всякого высокопоставленного иркутского бала или собрания.

Подливал масла в огонь и дядюшка Николай Матвеевич из Смоленска, который в каждом письме просил их приехать обратно, и уж никоим образом не думать о всяких там сибирских женихах и долгой жизни в «тьму-таракани». В своих-то краях всегда можно лучше устроиться, да и связи тут старые, надежные, и в женихах на таких-то красавиц недостатка не будет. Именно об этом приходилось теперь думать Саше и Кате. Особенно Кате, которая твердо отказала неказистому и пожилому офицеру, отправлявшемуся на Амур. И теперь не единожды жалела об этом, так как выяснилась истинная роль и значение ее быстрого жениха. А когда он, вторично побывав в Иркутске,

не навестил ее, то Катя провела много бессонных ночей, раздумывая и осуждая свой опрометчивый поступок. Конечно же и родственники всеми своими недвусмысленными намеками показывали ее безрассудство.

Постепенно, исподволь, Катя привыкла к мысли, что она совершила роковую ошибку и готова была ее исправить... Лишь бы только этот неказистый офицер, оказавшийся таким храбрым и деловым, появился в их доме снова, хоть на минуточку. Именно в это время она писала «любезному дядиньке своему в Смоленск, что она не считает сейчас возвращение в Россию великим счастьем, потому что им — сестрам было очень хорошо в Иркутске, особенно в первые годы здешнего их пребывания».

Все лето прошло у сестер в разъездах по стране вместе с Владимиром Николаевичем. Свои впечатления и непривычные ощущения юные выпускницы Смольного института описывали в письмах в Смоленск, которые они посылали туда весьма часто. А когда Зарин заболел, то они все вместе побывали на Туркинских водах, путешествовали по Байкалу, разъезжали верхом вдоль берегов разлившейся красавицы Ангары. Иногда они получали письма от единственного брата Николая, готовившегося к поступлению в университет, и от младшенькой сестры Веры, жившей в Москве с одной из родственниц — Гезинской.

1851 год стал годом больших свершений и для Дальнего Востока, и для наших героев. Мы помним, что Муравьев находился в столице, в Петербурге, туда же направились Корсаков и Невельской. Естественно, что весь Иркутск жил ожиданием приезда генерал-губернатора. Но сначала вернулись Невельской и Корсаков, а потом уж, в конце лета, появился всеми обожаемый Муравьев. Но прежде чем рассказать о событиях в Иркутске, которые последовали сразу за этим, надо вкратце сообщить о том, что произошло в Петербурге, чем там все разрешилось, зачем Невельской снова приехал в Иркутск, почему с ним возвратился Корсаков.

Невельской отправился из Петербурга 21 февраля, а уже 27 марта он был в Иркутске. После первой поездки в Петербург, как нам теперь известно, появились Петровское и Николаевский пост. Основной задачей его следующего пребывания в Петербурге было создание штатной Амурской экспедиции. Все это не обошлось без изрядной нерво-трепки. Но в конце концов Невельской стал свидетелем того, как 12 февраля 1851 года было принято решение об организации Амурской экспедиции, которая хотя и снабжалась от щедрот Российско-Амери-

канской компании, но подчинялась генерал-губернатору Восточной Сибири через представителей власти на местах. Начальником экспедиции при помощи Муравьева и Меншикова назначался капитан 1-го ранга Г. И. Невельской. В ее состав входили 60 нижних чинов при двух офицерах и докторе.

На обратном пути Невельской списался с Корсаковым, и дальнейший путь от Кинешмы, куда он не мог не заехать к матери и сестре, они проделали вместе. Между прочим, в одном из писем к своим родственникам в Тарусу под Москвой, Корсаков обронил и такие слова, что Невельской очень славный человек и что он был бы хорошим зятем, имея в виду всеобщее желание семьи Корсаковых видеть Невельского мужем Веры Корсаковой, сестры Михаила Семеновича. Нам неизвестно, знал ли об этом сам Геннадий Иванович. Но, судя по всему, женитьба на Вере Корсаковой никак не входила в его планы, равно как и просьба матери осчастливить ее старость внуками. Невельской думал о Кате, о единственной, которую он встретил в жизни. Думал и надеялся. И теперь он просто не мог отправиться на Амур, не повидав еще раз свою запоздалую любовь. А ведь он так спешил в Охотск, не боялся упустить время для благополучного плавания в Аян и Петровское!

Распорядившись письмами, приказами, просьбами Дмитрию Ивановичу Орлову и поступившему на службу в Амурскую экспедицию поручику корпуса флотских штурманов Алексею Ивановичу Воронину в Охотск и в Аян, Невельской 31 марта послал Корсакову, раньше отправившемуся туда, большое деловое письмо, в котором нашлось место и для описания своего признания Кате, несравненной Катеньке. Я нашел это письмо в Рукописном отделе библиотеки имени В. И. Ленина в Москве и уже опубликовал выдержку из него. Повторю ее здесь: «Милый и любезный друг Миша, приготовься — я счастлив, я готов на подвиг для Отчизны. Не один — со мною решила ехать и усладить мое заточение и разделять труды на благо Отечества мой милый, несравненный, давно мною любимый всем существом человек — Екатерина Ивановна Ельчанинова — моя Катенька. Ты спросишь, как это случилось. Очень просто. Я приехал в Иркутск, увидел ее и не мог более уже противостоять тому беспредельному и глубокому чувству. На третий же день я спросил Вл. Никол. (В. Н. Зарин. — А. А.) не переменяла ли она настроение. Совершенно изменила — был ответ. Я к ней — и она дала мне слово — вот и все. Ты не поверишь милый Миша, как я был рад. Пусть говорят, что хотят, но я решительно не мог быть один. Я любил, люблю ее — этого ангела»².

Наверное, Корсаков, получив такое признание Невельского, больше не предпринимал попыток к сватовству своей сестры. Из писем родным, посланных им в это время в Тарусово, видно, что Михаил Семенович весьма трезво и по-хорошему, по-товарищески отнесся к этому известию. Можно лишь понять его чувства, когда читаешь запись в дневнике, сделанную после получения письма Невельского. «Пришла почта и... известие, что Невельской женится на Катеньке Ельчаниновой в Иркутске... Итак, несмотря ни на что, он опять предложил (то есть сделал предложение. — А. А.)... Сильно же был он влюблен. Счастлив теперь, слава Богу. Я рад за него, душевно рад. Что он будет с ней счастлив — почти наверное, кажется, хорошая и добрая девушка. Но если она вышла за него из сострадания, из-за того, что все родные ее ворчали на нее за первый отказ? Если она любит другого? Что тогда? Жаль, что Невельской был так влюблен в нее. Но теперь я очень, очень рад, что так вышло — значит он не один будет зимовать на устье Амура, жена даст ему более силы исполнить свою обязанность»³.

Не станем думать о том, как отвечать на поставленные Корсаковым вопросы. Не нашел я в архивах никаких упоминаний об этой истории, кроме приведенных выше. Если что-то и было, то история показала, что это что-то действительно только и было, а не осталось. Впереди была одна-единственная на всю жизнь любовь на двоих. Невельской, кажется, превзошел самого себя. От рождения очень вспыльчивый, экспансивный, невероятно деятельный, он стремился как можно скорее увезти свое счастье, ему все казалось, не сон ли это. И каждый раз, а эти разы повторялись каждый день, а то и по несколько раз в день, Геннадий, вступая на порог добротного кузнецовского дома, в который прошлой осенью переехали Зарины, увидев свою звездочку, успокаивался. Неплохо было бы краеведам Иркутска установить, уцелел ли дом одного из самых богатых людей Сибири того времени — золотопромышленника Ефима Андреевича Кузнецова?

Дом этот имеет прелюбопытную историю. Он был знаменит тем, что миллионер Кузнецов пожертвовал его в казну за чин статского советника (полковника, если перевести этот чин на военный), в благодарность за то, что Муравьев представил его к этому чину. Надо сказать, что при своей жизни богатый купец-промышленник так и не узнал о том, что его мечта сбылась. Указ о присвоении чина из столицы пришел на его поминки. Ну, а дом, он на радостях передал в казну немедленно. И тут же в него вселился Зарин со своими женщинами. Здесь же на Фоминой неделе состоялась их свадьба.

Фомина неделя припала в том году на 16 апреля. У Невельского до отправления оставалось времени не больше двух недель. А путь с любимой предстоял нелегкий: по великой Лене до Якутска, а там по печально известному вьючному тракту до Охотска. И все нужно было ему предусмотреть, обо всем написать на места, послать нарочных. Ему хотелось, чтобы дорога к новому месту службы и к их первому дому совместной жизни стала поистине свадебным путешествием. Невельской в письмах к Корсакову умолял его распорядиться, чтобы на каждой станции по Охотскому тракту их ожидало не менее двадцати лошадей, чтобы в Охотске готовили судно для плавания в Петровское, чтобы во всеоружии находились вызвавшиеся служить в Амурской экспедиции нижние чины с семьями, чтобы все готовил в Аян и Воронин. Писал он о том, что ожидается пополнение и в офицерском составе. Словом, вертелся, как белка в колесе, стараясь предусмотреть если не все, то хотя бы самое главное.

И вот настало 16 апреля 1851 года. Торжественный ритуал венчания. Невеста — ослепительно белая блондинка в подвенечном платье, жених — по-особому серьезный в парадном черном костюме. Шафер Невельского, чиновник из аппарата Муравьева Бернгард Васильевич Струве потрудились на славу и радовался тому, что весь светский Иркутск присутствовал на венчании. И, конечно, здесь были друзья Зарина, впрочем, как и все окружение Муравьева. Долг службы заставил присутствовать и явных недругов Зарина, которые ускорили его отъезд из Иркутска. А затем была свадьба. В большом доме Кузнецова, обставленном новой мебелью, нашлось место для всех желающих. Но никто из присутствовавших не оставил в письмах подробностей этой поистине исторической свадьбы. А я, автор, не хочу додумывать сам, потому предоставляю такую возможность читателям.

Медовый месяц молодые, естественно, провели в Иркутске, посещая салоны знакомых, принимая у себя гостей, совершая прогулки по городу и окрестностям до Байкала. Постепенно они готовились к отъезду. Это решение у юной жены Невельского созрело, очевидно, сразу же, как только она дала слово своему будущему мужу стать его женой. И это не домыслы. Сохранились свидетельства, опубликованные впоследствии в виде биографий, воспоминаний, а есть и такие, которые посчастливилось обнаружить мне, автору этой книги. Правдой является то, что в лице супруги своего дяди Варвары Григорьевны Зариной молодые сестры Ельчаниновы нашли верного друга и единомышленника. Не намного старше по возрасту, милая тетенька, несмотря на

уговоры родных остаться в Москве, решительно последовала за своим мужем. Ее пример повлиял на решение Кати также быть с мужем везде, куда ни забросит их судьба.

Несомненно, Зарины бывали у живших в Иркутске декабристов. Во всяком случае, сам Н. Н. Муравьев посещал бывших князей Сергея Григорьевича Волконского и Сергея Петровича Трубецкого, жены которых последовали за своими мужьями — «государственными преступниками». Б. В. Струве свидетельствует о том, что в их домах собиралось тогда все просвещенное общество губернского города. Сам Муравьев первым побывал у декабристов и тем самым негласно поощрил «наше сближение с ними». Это пишет чиновник, весьма приближенный к генерал-губернатору, а следовательно, и к Зарину. Ведь не случайно на нем остановился Невельской, да и Зарины, когда решали вопрос о шафере на свадьбе. Первый биограф Невельского, Александр Карлович Сиденснер, сам в молодости знавший супругов, высказал мысль о том, что Екатерина Ивановна находилась под хорошим влиянием иркутского светского общества, состоявшего, в основном, из семей декабристов. Он же передавал, видимо со слов самих Невельских, что Зарины и родственники из Смоленска, а также и сам Геннадий Иванович неоднократно делали попытки упросить Катю остаться в Иркутске. Только после того, как Геннадий Иванович все устроит у себя на Амуре, в этом захолустном и диком Петровском, уже потом, на следующий год, когда он снова появится в Иркутске, можно будет поехать туда или уж вовсе не ехать. К этому надо добавить, что продолжительность поездки Невельского должна была составить два или два с половиной года.

Завершим эту тему выдержкой из письма Кати своему смоленскому дяде Н. М. Ельчанинову, посланного 7 мая 1851 года после трехнедельного (это так написала сама Катя) замужества: «Более и более я привязываюсь к моему милому мужу и со всяким днем открываю в нем какое-нибудь особенное качество; он так внимателен, так любит меня, что не только я, даже все окружающие меня тронуты этим...» Далее Катя сообщает о своем предстоящем путешествии туда, где, можно сказать, нет человека (в те времена такие слова были не очень далеки от истины, хотя нельзя понимать их буквально), «но это еще меня не пугает, но я боюсь за свои силы во время путешествия, нам надо сделать 5 000 верст — 1 000 верхом, а остальное — по воде. К счастью, я не трусиха и храбрая амазонка. Но все же, я думаю, мне не избежать самой ужасной усталости. Но, впрочем, я не одна буду

переносить это. Мой друг будет со мной и будет поддерживать меня»⁴. Много есть свидетельств тому, со слов, например, сестры Саши в письмах к тому же смоленскому дядюшке, обнаруженных мною в Смоленском областном архиве, что и Зарины остались очень довольны Невельским, когда убедились в его высоких нравственных и деловых качествах, в его беспредельной и искренней любви к Кате, в том, что он «человек благородной души и прекрасного сердца, любит и заботится о Кате так, что, кажется, больше невозможно». В этом же письме есть немаловажные подробности ранней, доамурской жизни Невельского.

Оказывается, во время службы с великим князем Константином на Балтике Невельской при каких-то сложных обстоятельствах спас ему жизнь. Последующие годы подтвердили этот факт тем, что Константин до последних лет жизни Невельского находился с ним в личной переписке. Немаловажное обстоятельство: член царской семьи, руководитель российского военно-морского флота состоит в дружеских отношениях с офицером и даже, как уверяла Саша в письме к дяде, великий князь «очень его любит». Мне уже приходилось писать выше, что Невельской был человеком своего времени, своей эпохи и принадлежал к господствующему дворянско-помещичьему классу. Вместе с тем он был очень предприимчивым, деловым человеком, который не хотел жить лишь на те «крепостные души», которыми владел в Кинешемском и Солигаличском уездах Костромской губернии, а приносить пользу своему государству или, как тогда официально говорили, «служить с верой Богу, Царю и Отечеству». И Невельской на протяжении всей своей жизни был верен Родине, своему народу. Он очень любил свой народ, а еще очень любил свою семью.

Ну вот, после таких характеристик обоих героев этой повести, расскажем и о том, как прошло их путешествие, и чем оно завершилось. В доме Зариных готовились к предстоящей нелегкой дороге, запасали «специфическое» приданое: теплые меховые сапоги, теплые костюмы для верховой езды, разные защитные маски, сетки от комариного гнуса, тысячи мелочей, необходимых молодой женщине в дороге, а также предметы, которые создали бы уют в будущей квартире Невельских где-то там, на далеком устье Амура. Немалое место в багаже путешественников занимали книги на французском и других языках, а также ноты. Не забудем, что Катя неплохо музицировала, всему этому она научилась в Смольном институте, а затем имела хорошую практику в Иркутске, где ее игра пользовалась неизменным успехом.

Ровно через месяц, в середине мая, жители Иркутска увидели вереницу экипажей, пролеток, верховых, в центре которой находились уезжавшие Невельские. Их провожали в дальний путь. Весь багаж заблаговременно отправили на нескольких подводах на станцию Качуга, откуда начиналось плавание по Лене. Возбужденные проводами, а еще больше предстоящим необычным свадебным путешествием, молодые едва успевали раскланиваться, отвечать на приветствия. Зариных знали все, а уж племянниц Владимира Николаевича непременно знали и женщины, и молодые люди.

Но вот позади иркутская застава, впереди дорога на Качугу. Последние объятия и поцелуи родных, друзей, и молодые остаются в обществе служанки Авдотьи и вестового, постоянно сопровождавшего Невельского во всех его разъездах. Ночевали на первой станции, а на следующий день выехали на берег Лены в район станции-пристани, где ждала их специально приготовленная лодка-дощаник. На ней удалось оборудовать кабинет, спальную комнату, помещение для прислуги и команды. Но молодые не сразу перебрались в такую роскошную лодку. До вечера они продолжали свое путешествие в экипаже вдоль Лены по берегу, любуясь красотами сибирской реки. А их ковчег плыл свыше тридцати верст без главных пассажиров. Этим же вечером, 16 мая, Катя написала родным свое первое письмо с дороги. Оно, а также и все последующие были позже опубликованы. Писала она по-французски. Потом их перевела и напечатала как приложения к книге Г. И. Невельского, второе издание которой вышло в 1896 году (первое издание было опубликовано в 1878 году под названием «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке Сибири. 1849—1855 гг. Посмертные записки адмирала Г. И. Невельского») их дочь Ольга Геннадьевна, ставшая журналисткой, известной под именем Веры Венд. Она же в 1894 году опубликовала в Париже на французском языке самую раннюю биографию своего отца.

Так вот, в этом первом письме Катя с нескрываемым лукавством и обаянием рассказывала о том, что Невельской в своей внимательности к ней даже изменил своей привычке постоянно спешить и понукать ямщика непрерывными окриками и приказаниями ехать быстрее. Вместо этого с его стороны слышались просьбы ехать тише. И Катя обронила фразу-вопрос: «...так что я спрашиваю у этого господина, который сделался таким осторожным: “Кто же переменял моего Невельского?”»

Вообще о путешествии по Лене, длившемся почти две недели, сохранились лишь единственные источники — письма Е. И. Невельской. Можно найти множество описаний плаваний по реке, которые оставили как известные, так и неведомые путешественники. Но эти описания не принадлежат Невельским и не отражают впечатлений и обстоятельств, сложившихся именно во время их плавания. Письма же Невельской были опубликованы, выдержки из них приводил и я в названных выше моих книгах. Поэтому я лишь коротко буду использовать наиболее интересные места из них, отсылая тех читателей, которые захотят подробнее познакомиться с жизнью и деятельностью Г. И. Невельского и его достойной супруги, к весьма обширной литературе, посвященной истории Амурской экспедиции, прежде всего, к книге самого Геннадия Ивановича и письмам Екатерины Ивановны, книге Веры Венд и другим работам.

Иных материалов нет, а потому повторы в некоторых местах нашего повествования неизбежны. Указанные книги не всем доступны, включая и те из них, которые изданы сравнительно недавно в 1960-х и в начале 1980-х годов такими маленькими тиражами, что давно уже стали библиографической редкостью. С ними можно познакомиться только в центральных библиотеках и в библиотеках Дальнего Востока, в издательствах, в которых они выходили в свет.

Заметно, как с каждым письмом Катя становится все рассудительнее и наблюдательнее, выглядит душевнее и симпатичнее, не перестает восхищаться красотами, сопереживать обездоленным местным жителям, с которыми приходилось встречаться на станциях сначала случайно, а затем и специально. Из писем видно, что Невельская не только обаятельная, но и, бесспорно, наблюдательная, талантливая женщина.

«Это правда, что Лена прекрасна, — рассуждает она во втором письме, — Окружающая нас природа дика и в то же время величественна. Я думаю, что в ее оригинальности и заключается ее прелесть. Везде высокие горы, покрытые лесом, крутые обрывы. От времени до времени мы проходим мимо прелестных островов; это настоящие рожицы посреди реки. Впрочем, все вместе имеет грустный и мрачный вид, но всегда величественный и красивый. Особенно вчера я была поражена необыкновенным зрелищем. Мне казалось, что наша лодка, быстро скользившая по волнам, могла разбиться о страшные скалы, громадные камни, выходящие из воды или покрывающие берега, как вдруг исполинская скала, скорее стена, поднялась слева от нас. Она была красная, как кирпич, и на самой высоте букет пушистых

деревьев покрывал ее зеленью; эти деревья, как будто посаженные человеческой рукой, придавали свежесть и жизнь всему ландшафту, сколько поразительному, столько же живописному. Это ландшафт полный величия... Никогда я не видела ничего подобного!»

Когда миновали устье Киренги, то заметно почувствовалось дыхание севера, а когда прошли Витим и подходили к Олекминску, то для прогулок приходилось иногда даже облачаться в шубу. По берегам еще лежал снег, по реке плыли льдины, оторвавшиеся от берегового припая, дул нудный северный порывистый ветер, лодку переваливало с волны на волну...

Когда сиденье в лодке и любованье природой надоедало, Невельской устраивал для своей юной супруги развлечение на берегу: верховые прогулки от станции до станции или пешеходные экскурсии в селения местных жителей — эвенков и якутов. Обычно Катю сопровождала служанка Авдотья, которая несла в корзине подарки-угощения — белые булки и орехи. Такие интересные посещения возбуждали еще большее любопытство. Но один случай напугал женщин. По дороге в деревню они встретили девочку с явными признаками проказы. Катя возвратилась обратно, а Авдотья отважилась идти дальше и со всеми мерами предосторожности передала жившим в юрте якутам традиционные подарки. Вся семья в этой якутской юрте была больна проказой — страшным бичом того времени. В другом месте, теперь уже в обязательном сопровождении мужа, тщательно ее оберегавшего, ей пришлось пешком пройти до ближайшей якутской деревни, где увидеть нищету и грязь, жителей, которые иногда питались корой деревьев. «Это ужасно! — восклицала она. — Страшная бедность царит в этих странах, и просто жалость берет, когда видишь, в какой нищете влечат эти дикари свое грустное существование».

К концу плавания настроение Кати существенно изменилось. Растерянность сменилась уверенностью, грусть — веселостью. Она чисто-сердечно благодарила судьбу за выпавшее на ее долю счастье. «Я теперь не такая печальная, — сообщает она в письме от 28 мая 1851 года, — и моя веселость напоминает времена Иркутска. Если я вам об этом пишу в каждом моем письме, это потому, что знаю вашу любовь ко мне и беспокойство дяди на этот счет, я и спешу успокоить вас относительно нравственного моего состояния. Ваша Катя очень счастлива, она более и более привязывается к благородному другу, который ее выбрал между всеми. Я вам клянусь, что опасности столь необыкновенного путешествия меня пугают теперь меньше, чем когда-либо.

Если я еще очень страдаю от нашей разлуки, то мой муж всегда найдет средство меня развлечь и успокоить. Он так нежно заботится обо мне, имеет такую глубокую привязанность ко мне, он такой благородный, безукоризненный герой. Ему всегда удастся возратить покой моей душе, и мыслям и я делаюсь опять весела и резва, забавляя и заставляя хохотать степенного генерала Невельского, благодаря сотням тысяч шалостей, которые приходят мне в голову. На коленях благодарю я господа, что он мне послал в покровители этого чудного человека, любовь которого — моя гордость и будет для меня сильной опорой в испытаниях, которые меня может быть ожидают впереди...»

В общем-то не слишком утомительное, даже в какой-то мере развлекательное и познавательное плавание по величавой Лене завершилось любованием изумительными творениями природы — Ленскими столбами. После этого 29 мая Невельские выехали в Якутск, где для молодых приготовили место в доме богатого купца. Надо было хорошенько отдохнуть перед совсем иной дорогой. Следовало все предусмотреть, и сделать так, чтобы к их прибытию все и всё были готовы на местах — в Охотске и в Аяне. Поэтому Невельской немедленно послал распоряжения Алексею Ивановичу Воронину, просьбы — Михаилу Семеновичу Корсакову.

В первый же день в Якутске было сделано много. Ознакомились и с тем, каким видом транспорта предстояло двигаться отсюда. Больше всего порадовало и тронуло отношение к молодой супруге Невельского. М. С. Корсаков, например, сконструировал для нее особую повозку или качалку, которая помещалась на двух жердях-оглоблях, укрепившихся по бокам двух лошадей цугом. Она представляла собой закрытый возок наподобие зимних саней, в которых можно было путешествовать даже лежа. Катя не замедлила, как истинная амазонка, испробовать новое усовершенствование, и похвалила Корсакова за удобную «карету», заметила, что жаль, что она при езде слишком закрыта — ее, то есть Катю, плохо видно. С таким же юмором ей ответили, что медведи вряд ли будут разбираться в том, красивая Катя, или уродина какая.

Между прочим, в связи с их приездом в Якутске пронесся слух, что губернатором создаваемой Якутской области прочат Невельского. Естественно, это объясняло повышенное внимание и особый интерес к будущей власти, к супруге будущего губернатора. Немедленно последовали званые обеды, отказаться от которых было невозможно. Катя превосходно играла роль серьезной дамы. Веселая хохотунья, она

порой с огромным трудом сдерживала свои юные порывы. «Меня действительно принимают, — с гордостью и юмором сообщала она в Иркутск, — за очень серьезную женщину, и я очень жалею, что вы не можете меня видеть сидящей по правой стороне хозяйки дома и наблюдать, с каким уважением обращаются ко мне она и все ее гости. Я клянусь вам, что в эту минуту я не похожа на ту, которая была в Иркутске, держу я себя с достоинством и чувствую себя непринужденной, когда говорю о хозяйстве с дамами пятидесяти лет! Ах! Если бы вы только могли меня видеть!»

На следующий день после прибытия Невельских в Якутск, Геннадий Иванович получил письмо от Муравьева, в котором сообщалось о том, что 4 апреля в составе Амурской экспедиции выехал лейтенант Николай Константинович Бошняк. Такому известию Невельский был весьма и весьма рад. Третий офицер поступал в экспедицию: к А. И. Воронину и Д. И. Орлову теперь присоединился Н. К. Бошняк. Рад Невельский был и тому, что хорошо знал по Костроме семью Бошняков, этот старинный дворянский род. Позднее я буду иметь возможность несколько подробнее рассказать о Бошняке и его родных.

Итак, пришла пора собираться в дальнейший путь. За всем не уследишь, ну а так все вроде было готово к дороге. 2 июня 1851 года перед самым отправлением в Охотск, посылая сообщение Муравьеву, Невельский делился своими первыми планами, предполагая основное внимание уделить исследованию южной части лимана и пролива. Для этого он намеревался отправить туда Воронина и Попова. Весьма сожалая, что у него в распоряжении в Петровском кроме байдар не будет никакого морского бота, просил распорядиться об этом. Еще он сразу же нелицеприятно высказал свое мнение относительно переноса Охотского порта в Петропавловск, доказав всю нецелесообразность такого действия с военной и экономической точек зрения. Он хорошо понимал, что ему самому, то есть возглавляемой им Амурской экспедиции придется не только «кормиться» за счет Российско-Американской компании, но и иметь промежуточную до Муравьева ступень подчиненности в лице военного губернатора вновь создаваемой на Камчатке области во главе со старослужащим Российско-Американской компании, начальником Аянского порта Василием Степановичем Завойко, к тому же женатым на племяннице главного правителя компании Фердинанда Петровича Врангеля. Его очень беспокоила обстановка в Охотске и в Аяне: сформированы ли там команды для Петровского, когда и сколько появится кораблей, как перепра-

вить столько груза и людей на одном, предположим, транспорте «Иртыш», на который пока делалась ставка. Все это ожидало их впереди, а пока предстоял нелегкий вьючный путь. Геннадий Иванович страшно волновался за свою Катю.

Путешествие из Якутска в Охотск началось ранним утром 2 июня 1851 года. Караван состоял из пятидесяти лошадей, основная часть которых была навьючена багажом и разными грузами. Часть лошадей везла людей, одетых в самые невероятные одежды, и крайне необходимый в те времена и в тех местах конвой. Конвой состоял из казаков, двое из них понимали местные языки, то есть могли служить переводчиками. Багаж составляли не только обычные вещи путешественников и их запас продуктов. В его числе имелись кровати, кухонная посуда и палатки, так как Невельской просто-напросто не рисковал ночевать на станциях после того, как во время путешествия по Лене нагляделся на грязь в юртах местных жителей, которые к тому же слишком редко встречались на этом пути.

В дороге больше всего доставалось Невельскому, ничего не выпускавшему из своих рук, спавшему по несколько часов в сутки. Передают, что он забирался в Катину качалку тогда, когда той надоедало «качаться» и она амазонкой ехала в седле. Чаще всего это случилось ранним утром или под вечер, когда она для разминки или успокоения перед сном проезжала несколько верст верхом. А дорога с каждой верстой становилась все хуже и хуже. Никакие накомарники не спасали от гнуса, мошкар, огромных комаров-кровопийц. Специальные маски и тщательно зашнурованная обувь были бессильны перед этими исчадиями комариного ада. И чем теплее становилось, тем больше вилось вокруг всяких пород и видов гнуса. Ко всему приходилось привыкать воспитаннице Смольного института. Язык якутов и эвенков звучал дико для ее европейского уха, привыкшего к изысканному французскому. Ей претила неопрятность в юртах. И это было только начало, лишь приоткрывающаяся неизвестность.

Сережиной Охотского тракта считалась станция Алах-Юн. В письме, отправленном отсюда, Катю, что называется, прорвало. Она признавалась родным: «Вы знаете, что я готова была встретить всякие препятствия и неудобства, но действительность превзошла все, что могло нарисовать мне мое воображение. Никогда не могла я себе представить, что такие дороги существуют на свете. То приходилось вязнуть в болотах, то с величайшим трудом пробираться по непроходимым лесным дебрям, то, наконец, переправляться вплавь через быстрые

реки... Ах, что мы вытерпели! Несмотря на все усилия над собою, бывают минуты, когда я ослабеваю и теряю всякое мужество. Однажды, например, нам пришлось переправляться вплавь через глубокую и быструю реку. Разразилась гроза; молния ослепляла нас, а сильные раскаты грома, которые эхо повторяло со всех сторон, отражаясь в горах Яблоневого хребта, пугали лошадей. Они то и дело взвизывались на дыбы. Дождь лил как из ведра. Ледяная вода текла без удержу по лицу, по рукам, по ногам. Тропинка, по которой мы пробирались, была, кажется, опаснее всех предыдущих. Мы переезжали то по горным плоскостям, то через ледники, то вязли в снегу, то спускались с крутых скал по голым, почти отвесным обрывам и пробирались по узким и скользким дорожкам, загроможденными громадными каменными глыбами. Напуганная, иззябшая, с нетерпением ожидала той минуты, когда, наконец, нам можно будет остановиться. На мое несчастье прошло еще немало времени, пока нашли место для отдыха. Оно оказалось под сводом из скал, нависших над углублением. Наскоро устроили там палатку, и эта жалкая яма показалась мне раем...»

После Алах-Юна Катя стала замечать за собой какие-то неясные признаки слабости. К тому же дорога на спуске стала еще страшнее. Все раскисло, мостки и гати размыло, разнесло, гнус становился беспощаднее. Все реже и меньше верст Екатерина Ивановна проделывала теперь верхом, чаще пряталась в своей качалке, укрытой вокруг сколько можно марлей, и в который уж раз вспоминала добрым словом Корсакова за такой прелестный и практичный подарок. А когда начался медленный, но постоянный спуск к морю по скалистым тропам, то приходилось или лежать ничком в качалке, отчего страшно, до тошноты кружилась голова, или же, еле передвигая ноги, идти пешком в сопровождении верного рыцаря.

Вскоре она стала замечать за собой то, чего раньше не испытывала. При малейшем, резком движении кружилась голова, наваливались приступы тошноты и боли, появляясь все чаще, настойчивее ощущалась непонятная слабость. «Путешествие стало пыткой; случилось, что я садилась на край дороги, не имея мужества ни влезть на лошадь, ни растянуться в моем гамаке. Я заметно слабела. Мы подвигались шагом и так дотащились, не доезжая верст десять до Охотска, где я упала на сырую траву, чувствуя, что у меня захватило дыхание, и катаясь по ней от невыносимых страданий». Катя была беременна.

На тех же качалках, превращенных в носилки, шестеро казаков со всеми предосторожностями несли эти десять верст ее на руках. Малей-

ший толчок вызывал невероятную боль. В Охотск, чтобы предупредить местного доктора, был послан верховой нарочный. Сюда Екатерину Ивановну доставили ночью почти в бессознательном состоянии. Здесь ее уже ждали доктор и фельдшер. У Невельской произошли преждевременные роды. «О как я рыдала, как я проклинала эту ужасную дорогу, которой опасности, ужасы и страшное утомление лишили меня самой сладкой надежды», — делилась она своим горем с родными.

Преждевременные роды нанесли тяжелый удар по здоровью и моральному состоянию несостоявшейся молодой матери. Переживали все, а Невельской в который раз казнил себя всеми казнями. Он решил, что ни в какое Петровское он жену не возьмет, а оставит ее на попечение надежной аянской семьи с тем, чтобы позднее отправить ее в Иркутск. А пока ей необходимо было отлежаться в Охотске. Совсем недалеко было и то время, когда придется испытать еще одну стихию — море. Правда, от Охотска до Аяна не так далеко... Когда Геннадий Иванович попытался завести с женой разговор об этом, то в ответ услышал слабое, но твердое «Нет!» Она никуда от мужа не уедет, ни в какой Иркутск возвращаться не будет, ни в каком Охотске и тем более Аяне она оставаться без мужа не станет ни на одну минуту. Только вперед, только вдвоем, в Петровское, к устью Амура. Вот так, за один разговор решили все вопросы, были сняты любые сомнения. Оставалось дожидаться ее поправки и внимательно еще и еще раз проследить за погрузкой и подготовкой судна к плаванию.

Невельскому надо было из намеченных и согласных отправиться с ним людей отобрать около пятидесяти лучших по всем статьям матросов и казаков: не только хороших служак, но и мастеров на все руки. Неизвестный во всех отношениях край, куда они отправлялись и где должны были надолго устроиться, предъявлял ко всем повышенные требования: стойкость, мужество, любовь к отчизне, веру в предпринимаемое дело и в своего предводителя, а также строжайшую и беспрекословную дисциплину. Несколько человек решались переселиться сюда навсегда, а часть мастеровых собралась ехать с семьями. Невельской поощрял такое переселение, но в то же время это его заботило и беспокоило. Его супруга писала: «Он думает об этом день и ночь и заботы эти отнимают у него сон и аппетит. Он весь поглощен тою мыслию, чтобы ничего не опустить такого, что послужило бы на пользу будущей колонии и ее благосостоянию, сохранило бы здоровье всех тех, кого он увозит с собою к неведомым еще местам у устья реки Амур».

Жизнь Невельского значительно изменилась с появлением Бошняка. Молодой, энергичный, красивый он стал сразу нужным и желанным для всех, надежным помощником Невельского и, по общему признанию, — самым талантливым участником Амурской экспедиции. В Охотске же был выбран и врач экспедиции Евгений Григорьевич Орлов. Упомянувшиеся в письмах Невельского из Иркутска и Якутска прапорщик Петр Попов и горный штейгер Иван Блинные также представились своему начальнику здесь, в Охотске. А как было нелегко Невельскому, когда к нему по тем или иным личным вопросам обращались будущие его сослуживцы, уезжавшие на несколько лет. Например, мастеровой Степан Решетников отправлялся на новое жительство с женой Анастасией и тремя детьми, да еще и со своей старой матерью; мастеровой Евдоким Вознюк — с женой Анной, с дочкой и внучкой; Григорий Москвитин — с женой Марией и двумя детьми... У всех них были свои заботы, и все обращались с ними к Невельскому. Это было естественно и понятно. Нужно еще раз упомянуть о том, что в Амурской экспедиции состояли в разное время разные приказчики Российско-Американской компании. В самом начале ее деятельности по рекомендации Д. И. Орлова и правления компании в нее вошли приказчики Алексей Павлович Березин и Андрей Степанович Бууров (иногда пишут Буоров).

Из Аяна шли хорошие вести: А. И. Воронин и А. П. Березин подготавливали переселенцев и часть грузов к отплытию. Дело оставалось за транспортом, который должен был перебросить их в Петровское. Погода стояла отменная, впрочем, она почти всегда бывает такой в середине июля в Охотском море, даже в его северной части. Катя поправилась и посвежела, она по-прежнему ничего не хотела слышать ни о каком возвращении куда бы то ни было.

В Охотске в это время стоял «Байкал», на который и погрузили «охотскую» партию переселенцев и часть имевшегося груза. Предполагалось, что в Аяне их будет ждать бриг «Охотск». На двух судах будет совершена вторая, заключительная часть плавания от Аяна до залива Счастья. 9 июля, при спокойной, хорошей погоде с попутным ветром «Байкал» снялся с якоря с охотского рейда и ушел вдоль берега к Аяну. Невельской втайне радовался тому, что Катя оказалась такой стойкой и не покинула его, не поддавшись на все заманчивые предложения. Радовался он еще и потому, что вез свою Катю в Петровское на транспорте, с которым его многое связывало.

Рассказывая ей о судне, как о лучшем друге, Невельской припоминал случаи из совсем еще недавнего полукругосветного плавания, а больше всего говорил ей о том, что ждет их в заливе Счастье, о том, какой Амур хороший, широкий, привольный и красивый.

Стоя на шканцах, не успев вдоволь наговориться и налюбоваться берегами Охотского моря, Невельской увидел высокий мыс Саваля, означающий, что сразу за ним будет поворот ко входу на Аянский рейд, в залив Аян. Встречал Невельского командир Аянского порта капитан-лейтенант Александр Филиппович Кашеваров. Встречали также Алексей Иванович Воронин и Алексей Павлович Березин. Первые же впечатления оказались не совсем такими, какими их ожидали, особенно после чудесной прогулки по морю на «Байкале». Самым неприятным известием было то, что «Охотска» в Аяне не оказалось. Зато Катю чрезвычайно обрадовал подарок великого князя Константина, который ожидал здесь юную хозяйку. Это были чудесный гарнитур для будущего дворца на Петровской кошке в заливе Счастья и самое современное фортепьяно.

Стало очевидным, что на одном «Байкале» всего перевезти будет нельзя, а рассчитывать на вторичный рейс — дело рискованное. Нужен был обязательно транспорт больших размеров, такой как бриг «Охотск» или транспорт «Иртыш», но ни того, ни другого в Аяне не оказалось. Первые испытания, первая настоящая трепка нервов началась. Ждать или идти? Дело еще осложнилось и тем обстоятельством, что по неписаным законам из Петровского, откуда ждали «Охотск», доползли да Аяна прегаденькие слушки. Что, мол, транспорт, сиречь «Охотск», сожгли местные жители, которых подстрекали на это дело маньчжуры. Невельской снова подступился к молодой жене с уговорами остаться в Аяне хотя бы временно, а там, мол, видно будет.

Но никакие ухищрения и даже запугивания не повлияли на решимость Кати. Она написала тогда родным: «Мой муж в своем беспокойстве и среди полной неизвестности того, что будет, хотел меня оставить в Аяне. Но это было бы невозможно, мои друзья, не правда ли? Я была бы самая низкая, если бы осталась сидеть спокойно под зашитой, в то время как мой муж рисковал бы своей жизнью, при борьбе за свою честь и за честь Отечества. Борьба между нами продолжалась несколько часов, но я вышла победительницей, и до конца последовала за мужем». Пророческие слова написала тогда юная женщина, впоследствии вошедшая во все женские словари, — она следовала за своим мужем гордо и верно, с большой любовью всю недолгую жизнь.

В той обстановке, которая сложилась в то время в Аяне, отважиться на такое дело было совсем нелегко. Слухи-то слухами, но никто действительно не знал, что ожидает экспедицию в Петровском. Тем не менее, Невельской решился всеми имевшимися в его распоряжении средствами довести начатое им же дело до конца. О событиях в Петровском Невельской знал лишь из последнего и единственного письма Д. И. Орлова от 1 ноября 1850 года, то есть восьмимесячной давности. В нем говорилось, что вроде бы все благополучно: люди перебрались в казармы на берег. «Относительно же покровительства, — Невельской много раз перечитывал эти строки, — гиляки действительно просят и хотели приехать в зимовье с просьбой о покровительстве государя императора. С гиляками живем мирно, они перекочевали в зимники, часто навещают нас, привозя на продажу собачьего корма и более ничего».

Это было все, что знал Невельской, а слухи почему-то ползли и ползли. Нужно было готовиться ко всяким неожиданностям. А тут еще масла в огонь подлил Муравьев, который изысканно вежливо приказывал: «Мне неудобно давать Вам наставления, Вы сами на месте лучше меня знаете что делать, но повторяю: осторожность, смелость и терпение должны быть Вашим девизом; не огорчайтесь мелким неудачам...» И Невельской решился. Он готовился отстоять свое и отчизны дело: «Эта земля должна быть русская, она русская и останется русской», — клялся он Екатерине Ивановне. Она была в восторге от решимости своего рыцаря: «Я гордилась тем, что пойду навстречу опасности рука об руку с таким мужественным человеком. Я им восхищалась, его обожала в такие минуты. Он представлялся мне таким великим, энергичным, когда обдумывает все, предвидя все и не боясь ничего на свете».

Невельской распорядился идти в Петровское не на одном судне, а на двух. Иными словами, дожидаться первого пришедшего сюда судна, на которое погрузить все, находящееся на берегу в Аяне. Неожиданно свои услуги предложил командир зашедшего в Аян барка Российско-Американской компании «Шелихов» Владимир Ильич Мацкевич, с которым они вместе когда-то служили на «Беллоне» под командой С. И. Мофета. Барк прибыл из Ново-Архангельска, его команда сплошь состояла из алеутов и индейцев. Невельской был безмерно рад такой щедрости старого товарища. Собрав всех наличных офицеров и соответствующих их рангам чиновников, стали держать совет. На нем пришли к единому мнению: грузы экспедиции распределить на обоих

судах, а личный состав сосредоточить на барке. На барке же должны идти и Невельской с супругой, Бошняк, доктор Орлов. В задачу «Байкала» входило сопровождение «Шелихова» до Петровского и оказание ему в случае необходимости помощи. На «Байкале» с грузом находились Воронин, Березин и несколько нижних чинов из экспедиции. Итак, основной состав Амурской экспедиции и большая часть грузов оказались на барке «Шелихов».

Погрузка шла быстро. Все было готово к выходу вечером 14 июля. Но как часто бывает, погода изменилась именно в это же время, пришлось ждать ее улучшения. Только утром 16 июля маленькая эскадра из двух судов вышла из Аяна, держа курс севернее Шантарских островов, на Сахалинский залив. Как только начало слегка покачивать, обнаружилось, что большинство женщин, в том числе Екатерина Ивановна, в разной степени ощутили приступы морской болезни. Хотя служанка Невельской, толстуха Авдотья несколько от нее не страдала. Некоторые солдаты и мастера, позевывая, смотрели в сторону берега, прикидывая в уме, скоро ли настанет конец их морским мучениям.

В целом поход проходил вполне благополучно, ничто не предвещало каких-либо неприятностей. У офицеров, да и у переселенцев разговор постоянно вертелся вокруг того, что они увидят, придя на место. Что там ни говори, а слухи остаются слухами, и обычно оправдывают русскую поговорку, что дыма без огня не бывает. В общем, все ждали. Наконец, нетерпение взяло верх, и Невельской приказал «Байкалу» идти вперед, разобратся на месте, быстро возвратиться и доложить об обстановке в Петровском и вообще в том районе, в заливе Счастья.

Совсем недалеко от залива Счастья вечером суда настиг густой туман. «Байкалу» не удалось далеко отойти от «Шелихова», и оба парусника по приказу Невельского встали на якорь, чтобы переждать ночь. Была выставлена усиленная вахта, которой вменялось смотреть не только за изменением погоды, но и за тем, что делается на берегу, при первом же приближении оттуда шлюпок или байдар бить тревогу.

Ночь прошла тревожно. А утром, когда туман рассеялся и начался отлив, выяснилось, что «Байкал» сел на мель. Волнений у всех прибавилось основательно. Мацкевич, посоветовавшись с Невельским, решил подойти ближе к «Байкалу», но тут случилось и непредвиденное и непоправимое: внезапно, на ходу стал тонуть «Шелихов». Это судно было выстроено некачественно и уже не первую навигацию ходило без надлежащего ремонта. Оставалось одно — подойти как можно ближе к сидевшему на грунте «Байкалу», чтобы затонуть на возможно

более мелком месте, погрузиться так, чтобы верхние части судна и палуба остались над водой. Не останавливаясь на деталях, скажем только, что эта сложная операция удалась, и «Шелихов» сумел подобраться к «Байкалу», где сел на грунт.

Ну, а что же творилось в эти часы на самом «Шелихове», на котором находились женщины и дети, неопытные, впервые попавшие в такие условия казаки, солдаты, мастеровые? Сначала все шло, как и положено при плавании в тумане. Впередсмотрящие на шканцах глядели во все глаза и подзорные трубы, чаще обычного палили из пушек, особенно тогда, когда встали на якорь, в надежде на то, что кто-либо из Петровского откликнется на громкие призывы. Так продолжалось всю ночь, показавшуюся страшной и долгой. Невельской еле сдерживал себя, чтобы не направить туда шлюпку, но странное и подозрительное молчание со стороны Петровского удерживало его, внушая самые худшие опасения.

Именно в это самое время на корабле возникла течь. Было отчего потерять голову: «Байкал» сидит на мели совсем близко от Петровского с его загадками, «Шелихов» тонет. Екатерина Ивановна узнала о смертельной опасности. Она попыталась выполнить команду мужа «Все наверх!», но тут же была остановлена просьбой одного из офицеров оставаться у себя в каюте, пока ее не позовут — во избежание паники. Она покорно согласилась, и не зря. Вскоре в каюту зашел Невельской и рассказал ей обо всем: о пробоине в трюме, о реальной опасности погибнуть во время прилива или сильного шквала, о суматохе и беготне на палубе. Он, дав ей ряд советов, снова повторил просьбу офицера — без сигнала на палубу не выходить, а лучше приготовить все то, что можно взять с собой. Екатерина Ивановна, как писала она родным, «вдруг успокоилась совершенно». Потеплее одевшись, она собрала все драгоценности, памятные вещицы, документы, письма, не забыла бумаги и часы мужа. Затем с узлом на коленях села на складной стульчик и стала ждать.

Минут через десять-пятнадцать вновь спустился Геннадий Иванович и сообщил, что «Шелихов» вышел на мелководье, и что смертельная опасность миновала, но положение все же остается серьезным. Он позвал жену наверх. «Я вышла из каюты, куда вода уже начала проникать. На палубе матросы равняли бочки пороха, вытащенные из трюма, и работали, чтобы спасти груз и багаж. Офицеры, казаки, даже молодые женщины в слезах, из которых некоторые держали в своих руках младенцев, изо всех сил качали воду.

Вода доходила да наших пяток. Дети и старухи, не способные к работе, бегали, кидались то в одну, то в другую сторону, толкались, кричали, рыдали, ища убежище против воды, которая все подымалась. Ах! Ужасная картина! Толкали друг друга, ушибались, каждый думал о себе, лица всех были покрыты как бы смертельной агонией, и они ломали себе руки. Мой муж окончательно меня успокоил, и я старалась придать хоть немного храбрости и надежды этим бедным существам. Я ходила от одной группы к другой, утешая их и объясняя, что опасность миновала, что все будут спасены, умоляя их оставаться спокойными и не волноваться за тех, которые работали для них. Увы! Это был напрасный труд! Они меня не слушали.

Разумеется, кто в такой суматохе мог послушать молоденькую жену начальника, всем хотелось спастись, спасти своих детей. В этой ситуации были все равны: и нижние чины, и обер-офицеры, и жена мастерового, и жена начальника. Но это не отразилось на Катином поведении. Когда спасательные шлюпки были спущены на воду и когда Мацкевич, Бошняк и другие офицеры — помощники командира барка — предложили ей первой спуститься в шлюпку, то она (романтическая, пылкая душа!) храбро им отвечала: «Мой муж говорил мне, что при подобном несчастье командир и офицеры съезжают последними; я съеду с корабля тогда, когда ни одной женщины и ребенка не останется на нем, прошу вас заботится о них». И хотя ее все-таки не послушали и, подхватив на руки, силой усадили в лодку вместе с другими женщинами, поведение Екатерины Ивановны в роковую минуту произвело сильное впечатление на окружающих. Авторитет молодой супруги начальника сразу возрос, значительно прибавилось уважение к ней со стороны сослуживцев и их семейств.

Не могу завершить эту главу, не приведя слова восхищения ее мужеством юного лейтенанта Бошняка, наблюдавшего описанную выше картину. «Первая женщина, — писал он впоследствии в журнале «Морской сборник», — с которой здесь познакомился я и которая, забыв свою молодость и возможность провести лучшие годы своей жизни не среди диких пустырей и грязных гиляков, — отправляясь на Амур, была супруга Г. И. Невельского. Я ехал тогда к капитану Невельскому курьером из Петербурга и застал его в Охотске. Надобно сказать, что Охотский тракт никогда кажется не исправлялся, и всякий проезжающий должен сделать по нем 1 200 верст от Якутска верхом. Кто знаком с этим трактом, тот знает, что значит проехать 1 200 верст верхом по топям. Госпожа Невельская не избегла этой судьбы и сделала

эти 1 200 верст в двадцать дней, кажется, еще больная, подкрепляемая лишь убеждением, что женщина должна разделить труды своего мужа, когда этого требует долг; мы имеем право думать, что таковы были ее убеждения. На транспорте «Байкал» мы все вместе перешли в Аян и там пересели на слабый барк «Шелихов». Когда барк стал тонуть, никто не мог уговорить г-жу Невельскую первой съехать на берег. «Командиры и офицеры съезжают последними, — говорила она, — и я съеду с барка, когда ни одной женщины и ребенка не останется на судне». Так она и поступила. Между тем барк уже лежал на боку».

На «Байкале», куда перевозили всех, было также нелегко. Продолжалась доставка вещей, важных грузов, пороха. Дело шло к вечеру следующего дня, начинался прилив и связанное с ним волнение. Вечером и ночью корпус «Байкала» содрогался от каждой новой волны, и «каждый толчок выбрасывал меня с койки полумертвой от ужаса», — признавалась потом родным храбрая трусиха.

Люди были наготове, «Байкал» разгружен, Невельской с офицерами приняли все меры предосторожности. Пуще всего следили за Петровским зимовьем. До него было подать рукой, повернув за мыс можно было видеть всю перспективу залива Счастья. Но...

Но все кончилось также неожиданно, как и началось. Помогли прилив и попутный ветер, а остальное сделали матросы и офицеры. В результате удалось сняться с мели без повреждений, то есть без течи в корпус. «Байкал» вновь оказался на плаву. Под хозяйским взглядом П. В. Казакевича он вновь построен так прочно, что ни одна доска, ни один гвоздь не оказались выбиты или сломаны. Мало того, почти не было и царапин. Все это затем подтвердилось во время докования. Ну, а «Шелихов» тонул и тонул, погружаясь все больше и больше, и одновременно разваливаясь на части. Что могло плавать — смывалось с палубы, выносилось из трюма, кубрика и кают. Катя Невельская горькими слезами провожала жемчужину своего будущего уюта — плавающую недалеко мебель и разбитое фортепьяно розового дерева, подарок великого князя Константина. Что ж теперь делать? Зато «Байкал», любимое детище Невельского, снова потихоньку двигался, направляясь ко входу в залив Счастья.

Вдруг из-за поворота показались две шлюпки. Гребцы бодро взмывали веслами, и вот уже можно было различить на одной из них Дмитрия Ивановича Орлова, на другой — командира злополучного «Охотска» Петра Федоровича Гаврилова. Видеть их было настолько радостно, что решили, не останавливаясь. «Байкал» в считанные мину-

ты бросил якорь на рейде Петровского. Сразу же их догнали шлюпки, Орлов с Гавриловым наперебой рассказали, что в селении все в порядке. Аяновские слухи оказались ложными. «Охотск» же не пришел потому, что осенью сильной подвижкой льда его прижало к берегу, и ему ничего не оставалось делать, как зимовать. Весной, когда залив очистился ото льда, Гаврилов, приготовившись к плаванию в Аян, вывел свой бриг на рейд. В это время сильнейший шквал выбросил «Охотск» на берег, сорвав его с двух якорей.

Маленькое поселение оказалось совершенно нетронутым. Аборигены, о которых много слышали в Аяне от маньчжуров, мирно жили в соседстве с русскими, проявляя дружелюбие. Итак, желанная или не желанная — это покажет время — цель достигнута. Теперь Екатерине Ивановне предстояло прожить здесь несколько лет, быть не только женой женой начальника экспедиции на Амуре, но и достойной представительницей славной русской интеллигенции, просветительницей. Сюда она пришла добровольно и останется здесь столько, сколько это потребует мужу, сколько потребует Отчизне.